

Франц Кафка

Свадебные приготовления в деревне

Перевод с немецкого
Соломона Апта

ФТМ

Франц Кафка

**Свадебные
приготовления в деревне**

«ФТМ»

1906

Кафка Ф.

Свадебные приготовления в деревне / Ф. Кафка —
«ФТМ», 1906

«Когда Эдуард Рабан, пройдя через подъезд, вошел в амбразуру
двери, он увидел, что идет дождь. Дождь был маленький...»

Франц Кафка

Свадебные приготовления в деревне

I

Когда Эдуард Рабан, пройдя через подъезд, вошел в амбразуру двери, он увидел, что идет дождь. Дождь был маленький.

На тротуаре перед ним было много людей, шагавших вразнобой. Иногда кто-нибудь выступал вперед и пересекал мостовую. Девочка держала в вытянутых руках усталую собачку. Два господина что-то сообщали друг другу. Один держал руки ладонями вверх и согласованно двигал ими, словно покачивая какую-то тяжесть. Показалась дама, чья шляпа была обильно нагружена лентами, пряжками и цветами. Торопливо проследовал молодой человек с тонкой тростью, плашмя прижав к груди левую руку, словно она у него отнялась. То и дело проходили мужчины, которые курили и несли перед собой вертикальные продолговатые облачка. Три господина – двое из них с перекинутыми через руку легкими пальто – часто отходили от стен домов к краю тротуара, глядели на то, что делалось там, и затем, разговаривая, возвращались.

Сквозь просветы между прохожими видны были ровно уложенные камни мостовой. Там лошади с вытянутыми шеями тянули коляски на тонких высоких колесах. Люди, откинувшиеся на мягких сиденьях, молча смотрели на пешеходов, на лавчонки, на балконы и на небо. Когда одна коляска обгоняла другую, лошади прижимались друг к дружке, и сбруя, повисая, болталась. Животные дергали дышло, коляска катилась, торопливо качаясь, пока не завершился объезд передней коляски и лошади не расступались опять, склоняя друг к другу узкие спокойные головы.

Некоторые быстро подходили к подъезду, останавливались на сухой мозаике, медленно поворачивались и смотрели на дождь, который сбивчиво лил, втиснутый в эту узкую улицу.

Рабан чувствовал себя усталым. Губы его были бледны, как выцветший красный цвет его толстого галстука с мавританским узором. Дама у каменного приступка напротив, смотревшая до сих пор на свои туфли, которые были хорошо видны под подобранной юбкой, смотрела теперь на него. Она делала это равнодушно, а кроме того, она, может быть, смотрела только на дождь перед ней или на маленькие вывески фирмы, укрепленные над его волосами. Рабану показалось, что она глядит удивленно. «Значит, – подумал он, – если бы я мог все рассказать ей, она совсем не удивлялась бы. Человек так надрывается на работе в конторе, что потом от усталости и каникулами не может насладиться как следует. Но никакая работа не дает человеку права требовать, чтобы все обращались с ним любовно, нет, он одинок, он для всех чужой, он только объект любопытства. И пока ты говоришь “человек” вместо “я”, это пустяк, и эту историю можно рассказать, но как только ты признаешься себе, что это ты сам, тебя буквально пронзает и ты в ужасе».

Он поставил на землю обшитый клетчатым сукном чемодан, согнув при этом колени. Вода у края мостовой уже бежала ручьями, которые прямо-таки неслись к углублениям стоков. «Но если я сам делаю различие между “человек” и “я”, вправе ли я сетовать на других. Несправедливыми их, наверно, нельзя назвать, но я слишком устал, чтобы все осознать. Я слишком устал даже для того, чтобы без усилия пройти на вокзал, а ведь он близко. Почему мне не остаться на эти маленькие каникулы в городе, чтобы отдохнуть? Я просто неразумен... От поездки я заболел, я же это знаю. Моя комната не будет достаточно удобна, в деревне по-другому не бывает. Да и сейчас только начало июня, сельский воздух еще часто очень прохладен. Одет я, правда, предусмотрительно, но мне же самому придется присоеди-

няться к людям, которые гуляют поздно вечером. Там есть пруды, будут гулять вдоль прудов. И я наверняка простужусь. С другой стороны, в разговорах я очень-то выделяться не буду. Я не смогу сравнить этот пруд с другими прудами в какой-нибудь далекой стране, ибо я никуда не ездил, а говорить о луне, испытывать блаженство, мечтательно взбираться на кучи щебня – для этого я слишком стар, чтобы меня не высмеяли».

Люди проходили мимо с несколько опущенными головами, свободно неся над ними темные зонтики. Проехала мимо также ломовая повозка, на козлах которой, набитых соломой, возница так небрежно вытянул ноги, что одна почти касалась земли, а другая удобно покоилась на соломе и тряпье. Казалось, он сидит в хорошую погоду где-нибудь в поле. Но он внимательно держал вожжи, чтобы повозка, на которой разлезались железные прутья, ловко поворачивалась в толчее. Видно было, как в воде на земле извивается отражение прутьев, медленно скользит от одного ряда булыжника к другому. Маленький мальчик возле дамы напротив был одет как старый виноградарь. Его складчатый балахон спадал большим кругом и только чуть ли уже не под мышками был подобран кожаным ремешком. Его шапочка в форме полушария была надвинута до бровей, и от верхушки ее свисала к левому уху кисточка. Дождь радовал его. Он выскочил из подъезда и смотрел открытыми глазами на небо, чтобы ухватить себе побольше дождя. Он часто подпрыгивал, поднимая брызги, за что прохожие очень бранили его. Дама подозвала его к себе и взяла за руку, но он не заплакал.

Рабан вдруг испугался. Не поздно ли уже? Поскольку плащ и пиджак его были расстегнуты, он быстро достал часы. Они не шли. Он с досадой спросил соседа, стоявшего чуть глубже в подъезде, который час. Тот вел какую-то беседу, он сквозь смех, который относился к ней, сказал: «Извольте, начало пятого», – и отвернулся.

Рабан быстро раскрыл свой зонтик и взял чемодан. Но когда он уже выходил на улицу, дорогу ему преградили несколько торопившихся женщин, которых он и пропустил. При этом он глядел вниз на шляпу какой-то девочки, сплетенную из окрашенной в красный цвет соломки, с зеленым веночком на волнистых полях.

Это еще держалось в его памяти, когда он уже был на улице, которая слегка поднималась в том направлении, в каком он собирался пойти. Потом он забыл это, ибо должен был немного напрячься; чемоданчик был для него нелегок, а ветер дул прямо навстречу, развеивал плащ и продавливал спереди спицы зонтика.

Дышать ему стало тяжелее; часы на площади поблизости пробили четверть пятого, он видел из-под зонта легкие короткие шаги людей, шедших ему навстречу; скрежетали, когда их притормаживали, колеса повозок, крутились медленнее; лошади выпрямляли тонкие передние ноги смело, как серны в горах.

Тут Рабану показалось, что он одолеет и это долгое скверное время следующих двух недель. Ведь это всего две недели, значит, какое-то ограниченное время, и даже если неприятности будут все прибывать, время, в течение которого их надо переносить, будет все-таки идти на убыль. От этого мужество несомненно возрастет. «Все, кто хочет мучить меня и кто сейчас занял все пространство вокруг меня, будут постепенно оттеснены добрым течением этих дней, для чего даже не потребуется никакой моей помощи. И я могу, что естественным образом получится, быть слабым и тихим и позволять делать с собой что угодно, и все-таки все уладится просто благодаря течению дней».

А кроме того, нельзя ли мне поступить так, как я всегда поступал в детстве при всяких опасностях? Мне даже не нужно самому ехать в деревню, я пошлю туда тело. Если оно пошатывается, выходя за дверь моей комнаты, то это пошатыванье свидетельствует не о боязни чего-то, а об его, тела, ничтожестве. И это вовсе не волнение, если оно спотыкается на лестнице, если, рыдая, едет в деревню и, плача, ест там свой ужин. Ведь я-то, я-то лежу тем временем в своей постели, гладко укрытый желто-коричневым одеялом, под ветерком, продувающим комнату. Коляски и люди на улице нерешительно ездят и ходят по голой земле,

ибо я еще вижу сны. Кучера и гуляющие робки и каждый свой шаг вперед вымаливают у меня взглядом. Я одобряю их, они не встречают препятствий.

У меня, когда я так лежу в постели, фигура какого-то большого жука, жука-оленья или майского жука, мне думается».

Перед витриной, где за мокрым стеклом висели на полочках маленькие мужские шляпы, он остановился и посмотрел на них, сложив дудочкой губы. «Ну, моей шляпой на каникулы можно еще обойтись, – подумал он и пошел дальше, – а если меня из-за моей шляпы никто не выносит, то тем лучше.

Большая фигура жука, да. Я делал тогда такой вид, словно речь шла о зимней спячке, и прижимал ножки к своему выпуклому туловищу. И я прошепчу несколько слов, это будут указания моему телу, которое у меня еле стоит на ногах и ссутулилось. Скоро я буду готов – оно поклонится, оно пойдет быстро и все наилучшим образом выполнит, а я полежу».

Он достиг отдельно стоящей арки с округлым сводом, выведившей на вершине этой крутой улицы на маленькую площадь, окруженную множеством уже освещенных магазинов. Посреди площади, несколько затемненный из-за света по бокам, стоял низкий памятник сидящему в задумчивости человеку. Люди двигались, как узкие щитки перед источниками света, и оттого, что лужи разливали весь этот блеск вширь и вглубь, вид площади непрерывно менялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.